

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 261–266
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 261–266
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-261-266>

Научная статья
УДК 811.161.1'282.2(470.40/.43)

Лексика вторичных говоров Среднего Поволжья в статике и динамике

Т. Е. Баженова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67

Баженова Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, bazhenova@pgsga.ru, orcid.org/0000-0002-4151-0686

Аннотация. В статье рассматривается диалектная лексика русских говоров на территории Среднего Поволжья. Автор опирается на новые материалы, собранные в региональном атласе и словаре. Приводятся факты отражения в источниках неравномерного развития диалектных лексических систем, в которых, с одной стороны, под влиянием стандартизации и междиалектного контактирования появляются новые слова и, с другой стороны, сохраняются архаизмы. Консервативные процессы отмечаются в той части лексики, которая отражает связи самарских говоров с диалектами владимирско-поволжского типа. Обращается внимание на узлокальный характер диалектных слов, сохраняющих память об архаических языковых особенностях. Динамизм языковой системы проявляется в широте потенциальных возможностей производства новых слов и семантических вариантов диалектных слов. Приводятся факты появления новых значений у слов, обозначающих в прошлом исчезнувшие теперь понятия и реалии. Динамические процессы наблюдаются в группах лексики растительного и животного мира, метеорологии, в словарных группах, объединенных темой «Человек». Делается вывод о том, что в условиях стандартизации и глобализации диалектная лексика обладает способностью сохранять свои традиционные черты, а диалекты не утрачивают коммуникативные возможности и способность к словопроизводству.

Ключевые слова: русский язык, русские народные говоры, диалектология, диалектная лексика, Среднее Поволжье, самарские говоры, лексические карты, динамика и статика в лексике

Для цитирования: Баженова Т. Е. Лексика вторичных говоров Среднего Поволжья в статике и динамике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 261–266. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-261-266>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Vocabulary of secondary dialects of the Middle Volga Region in statics and dynamics

T. E. Bazhenova

Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxima Gorkogo St., Samara 443099, Russia

Tatyana E. Bazhenova, bazhenova@pgsga.ru, orcid.org/0000-0002-4151-0686

Abstract. The article deals with the dialectal vocabulary of Russian dialects on the territory of the Middle Volga region. The author relies on new materials collected in the regional atlas and dictionary. The article provides the facts that the sources reflect the uneven development of dialect lexical systems, in which, on the one hand, under the influence of standardization and inter-dialectal contact, new words appear and, on the other hand, archaisms are preserved. Conservative processes are noted in that part of the vocabulary that reflects the connections of Samara dialects with those of the Vladimir-Volga type. It is noted that the dialect words have a narrow-localized nature and retain the memory of archaic linguistic features. The dynamic character of the language system is manifested in the scope of potential for the production of new words and semantic variants of dialect words. The article provides the facts that new meanings appear in words, previously denoting concepts and realities that have disappeared by now. Dynamic processes are observed in the vocabulary groups of flora and fauna, meteorology, in vocabulary groups united by the topic "Person". It is concluded that in the context of standardization and globalization, dialectal vocabulary can preserve its traditional features, and dialects retain their communicative capabilities and the ability for word formation.

Keywords: the Russian language, Russian folk dialects, dialectology, dialect vocabulary, Middle Volga region, Samara dialects, lexical maps, dynamics and statics in vocabulary

For citation: Bazhenova T. E. Vocabulary of secondary dialects of the Middle Volga Region in statics and dynamics. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 261–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-261-266>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Многочисленными исследованиями подтверждается, что диалектная лексика является наиболее подвижной: выходят из употребления старые и появляются новые слова в связи с изменениями в жизни народа, усиливаются интеграционные процессы в говорах. Изучение динамических процессов в диалектах и выявление причин устойчивости диалектных явлений на различных ярусах диалектного языка лежит в основе научных исследований Л. М. Орлова и Р. И. Кудряшовой [1, с. 8–9, 117–130], Л. И. Баранниковой [2], Т. И. Мурзаевой [3] и других ученых, выполненных на материале вторичных говоров Среднего и Нижнего Поволжья.

Участие в сборе словарных материалов для «Лексического атласа русских народных говоров» и самарского областного атласа и словаря дали нам возможность «вживую» наблюдать одну из особенностей современного состояния диалектов, которая заключается в единовременном сочетании изменчивости и устойчивости диалектной лексики. Несмотря на разрушение традиционного уклада жизни в селе, определенная часть диалектной лексики остается коммуникативно значимой, обнаруживаются активные процессы словопроизводства. Следовательно, изучение диалектного словарного состава по-прежнему остается актуальной задачей, несмотря на стремительное заимствование говорами общеупотребительных эквивалентов на лексическом ярусе диалектных систем под воздействием целого ряда факторов, как внешних, так и внутренних.

Подобные выводы, сделанные на материале вторичных говоров Среднего Поволжья, не противоречат общему представлению об активных процессах в диалектной лексике, сложившемся в последние десятилетия. В русской диалектологии и лингвогеографии накопилось достаточно сведений для теоретических обобщений по поводу динамики лексики и словообразования. В работах Т. И. Вендиной [4], Л. Я. Костючук [5], Н. С. Ганцовской [6] и других поднимается вопрос о неравномерности развития диалектных лексических систем, в которых, с одной стороны, под влиянием стандартизации и междиалектного контактирования появляются новые слова и, с другой стороны, сохраняются архаизмы. К такому выводу исследователи приходят, рассматривая функционирование диалектных слов как в границах макроатласа русского языка, так и на территории отдельных областей.

Актуальность нашего исследования вызвана тем, что динамический характер лексического уровня современных говоров, неочевидность парадигматических отношений в процессе синхронического изучения диалектной лекси-

ки, генетическая неоднородность вторичных говоров – все эти объективные причины затрудняют выявление системообразующих факторов и вызывают научный скептицизм, который выражается в утверждении стремительного и полного исчезновения диалектной лексики в говорах, которые являются вторичными по отношению к традиционным диалектным типам и образовались позднее. Тезис о невозможности системного представления диалектной лексики на заволжских территориях опровергается новыми свежими данными о лексике периферийных говоров, которые представлены в самарском региональном атласе [7] и словаре [8].

Изоглоссы диалектных лексем и значительная лексическая плотность отдельных тематических групп, зафиксированных на картах лексического атласа и словаря самарских говоров, убеждают нас в том, что в диалектах идет процесс непрерывного обновления лексического состава, в результате которого одни лексеммы уходят на периферию, уступая место общеупотребительным словам, а другие, образованные на основе внутренних диалектных ресурсов, продолжают активно употребляться. Например, в самарских говорах на смену таким устаревшим лексеммам, как *барáк*, *враг*, *ендовá*, пришли современные *дол*, *лог* ‘овраг’; в то же время отмечается региональный лексико-семантический вариант у лексеммы *эрик* ‘узкая промоина, заливаемая водой’, позволяющее носителям диалектов использовать его и для обозначения оврага [7, с. 23].

О сложности динамических процессов в диалектной лексике свидетельствует также наличие большого количества лексико-словообразовательных вариантов и производных значений диалектных слов. Некоторые лексические карты поражают сложностью переплетения изоглосс диалектных слов, служащих наименованиями отдельных реалий. Например, на карте, посвященной наименованиям древка косы, наряду с общеупотребительными словами *черен* и *палка* отражены диалектные *косовьё*, *косьё*, *косовище*, *окосиво*, *окосье* [8, с. 36]. На фоне этого разнообразия, отмеченного на сравнительно небольшой территории, выделяется довольно плотный массив лексеммы *окосиво*, группирующийся в основном в правобережных и ближайших центральных районах Самарской области, и незамкнутая изоглосса лексеммы *окосье* в восточных, заволжских районах. Как и следовало ожидать, четкая граница между ареалами данных лексем не наблюдается, однако разнообразие лексико-словообразовательных вариантов, наличие признаков диалектного соответствия между говорами северо-западной и юго-восточной части территории, взаимопроникновение их изоглосс

и сосуществование с общеупотребительными лексемами дают основание говорить о динамике процессов словообразования и сложности современных соотношений диалектной и стандартизированной лексики.

Еще более сложную картину можно наблюдать на семантической карте «Кулига» (по техническим причинам не вошедшая в настоящее издание лексического атласа самарских говоров), на которой зафиксированы значения одного из слов народной земледельческой терминологии. Диалектное слово *кулига* в русских говорах было одним из терминов подсечно-огневого земледелия в прошлом, имело значение 'участок бывшего леса, расчищенного под пашню' и в этом значении употреблялось преимущественно в севернорусских говорах [9, с. 86]. На территории Самарской области оно известно, несмотря на полное отсутствие старинного способа обработки земли, с которым оно связано. В самарских говорах слово *кулига* продолжает активно функционировать в виде семантических дериватов: 1) участок земли в лесу, поляна; 2) участок земли на лугу, заливной луг; 3) участок обрабатываемой земли в поле; 4) полоска земли, мера площади; 5) участок поля, луга, оставшийся необработанным, огрех; 6) мера скошенной травы. Среди производных семантических вариантов наиболее распространенными в наших говорах являются первые три значения. В современных говорах Среднего Поволжья слово *кулига* функционирует как в окающих, так и в акающих говорах, причем в говорах южнорусских оно получает гораздо большее семантическое развитие, чем в говорах севернорусских. Данные словаря самарских говоров свидетельствуют о том, что это слово в переселенческих говорах Среднего Поволжья приобрело обобщенное локальное значение: его теперь употребляют не только для обозначения любого участка пахотной земли, но и как ландшафтный термин. Ср.:

Кулига, ж. 1. Полянка, небольшой участок поля, луга, занятый растениями одного вида. *Безенч., Кошк., Похв., Шигон., Сызр.* Полянка, и вот на ней растут одинаковые растения, например, кулига иван-чая (*Безенч.*). 2. Участок в лесу, на лугу или в поле, отличающийся от других в каком-либо отношении, например, хорошей травой, грибами, ягодами, грибное место, ягодное место. *Шигон.* Ягоды на кулиге водятся (*Похв.*). Кулига – это место, где косят постоянно, куда постоянно ходят за грибами (*Безенч.*). Хороша кулижка (*Сызр.*). 3. Полянка ягод, семейка грибов, пучок одинаковых растений и т. д. *Похв., Кин., Богат., Хвор., Краснояр.*

Нашёл кулигу ягод (Кин.). Кулига земляники (Безенч.). 4. Пересохшее озеро, заросшее травой. *Краснояр., Серг.* [7, с. 24].

В данном случае у слова с первоначально архаичным значением, свойственным материнским говорам, в Среднем Поволжье преобладают производные значения слова, осложненные дифференциальными семами, значит, в современных говорах слово живет, развивается, это не архаизм; сложность семантической структуры диалектного слова – верный признак его устойчивости воздействию литературного языка.

Об активных процессах в говорах Поволжья свидетельствуют также следующие факты.

В комментариях собирателей есть прямые свидетельства того, что одни слова выходят из употребления, уступая место другим: так, лексемы *петух* и *кочет* 'петух', *хряк* и *пороз* 'нехолощенный кабан' сопровождаются указанием на то, что первое слово функционирует в говоре как основное наименование, а второе сохраняется только в речи стариков или употреблялось раньше [8, с. 52]. Часто приходится наблюдать, как современные сельские жители среднего и предпенсионного возраста употребляют в своей речи новые варианты наименований, а старые знают/помнят и используют в качестве производных семантических и словообразовательных вариантов (*петух*, но *полотенце с кочетами* (узор), *кочетаться* 'задираться, петушиться', *кочетыга* 'курица, которая поет петухом'). В экспедициях нам неоднократно приходилось убеждаться в том, что изменился социальный облик информанта, которого можно считать транслятором диалектной лексики. Наиболее ценными источниками сведений становятся не пожилые малограмотные женщины, никуда не выезжавшие из села, как раньше, а вполне образованные, в прошлом социально активные, а потому общительные жители села, до старости сохранившие хорошие коммуникативные способности. Первые зачастую не могут вспомнить нужного слова и при ответе на вопрос «Как у вас называется...?» повторяют слово, произнесенное собирателем, например: «Как у вас называется петух?» – «Петух». Последние очень хорошо понимают важность сохранения диалектного слова, поэтому могут подсказать, как говорят или говорили в селе, как изменилась семантика слова, привести примеры словоупотребления, дать параллельный вариант: «А в соседнем селе говорят так...». Из этого следует, что диалектная лексика функционирует в изменившихся условиях, которые следует учитывать в момент ее фиксации, помня о том, что диалект как форма национального языка продолжает существовать.

У нас нет основания опровергать тезис о том, что фактор влияния литературного языка на развитие диалектных лексико-семантических систем остается наиболее сильным и результаты его очевидны. Однако это не всегда приводит к полному исчезновению диалектного слова. Отношения между литературными и диалектными вариантами, часто употребляющимися в пределах одного говора, иногда приводят к тому, что значение диалектного слова, функционирующего наряду с общеупотребительным вариантом, сужается. Так, в самарских говорах сосуществуют варианты *навоз* и *назём*, *волк* и *бирюк*, *усадыба* и *позьмо*, *пить* и *буздать* и др. Диалектные слова в этих случаях изменяют значение: *назём* – это перепревший навоз, перемешанный с землей, *бирюк* – это матерый волк, *позьмо* – это только огород, а не весь земельный участок одного хозяина, *буздать* – означает жадно, много пить или пить спиртное.

Появление внутрисистемных вариантов у активно функционирующих слов в одинаковых с точки зрения типологии говорах или даже в одном говоре обусловлено живыми процессами лексической производности, относящимися к различным лексико-семантическим группам и тематическим разделам, например: *ляда* ‘низкое болотистое место, заросшее лесом’ – *ляда* ‘неудобная земля’ – *ляда* ‘ленивый человек’; *крьга* ‘льдина’ – *крьга* ‘рыболовная снасть’ – *крьга* ‘вощина’; *лука* ‘излучина реки’ – *лука* ‘местность вдоль берега реки’ – *лука* ‘поле вдоль берега реки’.

Изменению семантической структуры наиболее подвержены диалектные слова, служащие наименованиями реалий, по экстралингвистическим причинам не характерных для нашей территории. Так, например, среди наименований одежды южнорусское слово *понёва* имеет в самарских говорах трансформированные значения ‘нижняя юбка’ и ‘домотканая шерстяная материя’, *бахча* – ‘огород, расположенный около дома и в поле’, *бахчи* – ‘овощи’.

Факты лексической производности на основе внутренних языковых ресурсов можно наблюдать в группах лексики растительного и животного мира, метеорологии, в словарных группах, объединенных темой «Человек» (внешняя и внутренняя характеристика человека, семейные отношения), а также в наименованиях современных реалий трудовой жизни сельских жителей (огородничество, птицеводство, пчеловодство, животноводство). Динамизм языковой системы проявляется в широте потенциальных возможностей, которая обусловлена способностями словопроизводства, позволяющими в полной мере отвечать потребностям общения его носителей.

Широко представлены в самарских говорах и охватывают всю картографируемую территорию лексемы *избá* ‘традиционная жилая постройка, рубленый дом среднерусского образца’, *городьба* ‘изгородь’, *клушка* ‘курица-наседка’, *подловка* ‘чердак’, *пóсконь* ‘мужская особь конопли’, *кулига* ‘участок, делянка’, *пóроз* ‘мирской бык’, *шабёр* ‘сосед’, *зыбка* ‘колыбель’, *калякать* ‘говорить, разговаривать’, *ягода* ‘лесная земляника’, *пирог* ‘белый хлеб из сеяной пшеничной муки’, *запóй* ‘сговор, сватовство’ и т.д. Эта лексика активно используется носителями говора, известна городским жителям и носителям других языков. С. А. Мызников также отмечает широкое распространение и активное употребление многих перечисленных слов в средневожских русских говорах Чувашии и Марий Эл [10, с. 489–550]. Широта ареалов таких слов является свидетельством их активного участия в интеграционных процессах и значительной устойчивости влияния литературного языка. Даже если лексема имеет узкодиалектный статус, в условиях существования в однородных диалектных массивах она живет полноценной жизнью.

Так, например, в самарских говорах в группе ландшафтных наименований активно используются междиалектные лексемы, образующие ареал в Поволжье и в Предуралье (*студенец* ‘родник, источник с холодной ключевой водой’, *лука* ‘луг, лес, огибаемый рекой’, *калужина* ‘лужа, яма, заполненная водой’; *наслуз*, *наслуд* ‘вода, выступившая на поверхности льда’).

На их фоне выделяются на картах слова, изоглоссы которых образуют в Среднем Поволжье компактные ареалы, например *кухня* ‘жилая постройка особой планировки’, *лазейка* ‘вход в подполье’, *шиш* ‘постройка для сушки снопов’, *лапас* ‘сарай для хозяйственных нужд с плоской крышей’, *чпельник* ‘приспособление для захватывания сковороды’, *копяжка* ‘жеребенок первого года жизни’. Такие лексемы известны только носителям говоров, функционируют локально, редко «кочуют» в условиях междиалектного контактирования.

О консерватизме русских говоров, на протяжении длительного времени противостоящих внешнему влиянию, свидетельствует то, что на многих картах самарского атласа нашли отражение слова редкие, отмеченные на нашей территории точечными фиксациями. Уникальными для самарских говоров являются лексемы, отмеченные в других русских говорах дисперсными и сравнительно небольшими ареалами: *казёнка*, *подызбица*, *горище*, *тырло*, *полоуз*, *пуня*, *сушня*, *игрища*, *чичерно*, *оболокаться*. Ограниченное их употребление во вторичных говорах говорит о процессе вытеснения узколокальных слов.

Несмотря на активные процессы трансформации диалектных типов, в поздних по времени образования переселенческих говорах сохраняются междиалектные параллели с говорами других территорий. В приволжских говорах междиалектные связи просматриваются не только на уровне фонетики (в частности, в предупредительном вокализме после мягких согласных), но и на уровне лексики. Можно выделить такие слова, которые имеют закрепленность в самарских говорах, с одной стороны, за севернорусским диалектным типом (*твори́ло* ‘ход в подполье, дверца в погреб’, *подло́вка* ‘чердак’, *лонца́к* ‘жеребенок по второму году’, *гадю́га* ‘змея’, *ба́ять* ‘говорить, рассказывать’), с другой стороны – за южнорусским типом (*корец* ‘ковш’, *буга́й* ‘бык-производитель’, *икра́* ‘льдина’, *гутарить* ‘говорить, разговаривать’, *дю́же* ‘очень’, *крича́ть* ‘причитать’ *по покойнику*). В среднерусских акающих говорах Самарской области наблюдаются лексические параллели с владимирско-поволжскими говорами, о чем свидетельствуют фиксации слов *бу́шма* ‘брюк-ва’, *волжа́нка* ‘гриб волнушка’, *ке́лья* ‘вечерние собрания молодежи’, *кле́в* ‘хлев’, *коку́шка* ‘кукушка’, *мо́рда* ‘рыболовная снасть типа ловушки’ и другие, имеющие изоглоссы во многих говорах Среднего Поволжья (см.: [10, с. 260–470]). Все эти факты лексических параллелей, которые свойственны вторичным самарским говорам с проявлениями владимирско-поволжских материнских основ и на других уровнях, тоже можно рассматривать как элементы архаики.

Конфигурация и плотность ареалов отдельных лексем, а также их локализация в Самарском Заволжье говорят о том, что функциональная нагрузка отдельных разрядов слов неодинакова. Карты атласа и материалы словаря показывают, что существуют самарские говоры, в которых зафиксировано минимальное количество узколокальных диалектных слов, но среди них есть и такие, в которых в лексикализованном виде сохраняются следы архаичных диалектных особенностей (*исть* ‘есть’, *кепина* и *цепина*, *кепе́ц*, *тепе́ц* и *цепе́ц*, *цепи́нка* и *чапи́нка* ‘бьющая часть цепа’). В самарских переселенческих, т. е. вторичных, говорах сохранились такие лексические архаизмы, как диалектные наименования связующей части цепа с корнем *пут-* (*пу́то*, *пу́тце*), *оби́лье* ‘урожай’, *ора́ть* ‘пахать’, *веселье* ‘свадьба’, *ва́тола* ‘самодельное войлочное одеяло’, *по́ршни*, *поро́шни* ‘легкая кожаная обувь’, *лиме́нь* ‘озеро’, *кря́га* ‘льдина’, *волна́* ‘овечья шерсть высокого качества’, *зобня́* ‘плетенный из хвороста короб для переноски на спине мякины и соломы’ и др.

В пассивном словарном запасе современных носителей говоров оказываются, как и следовало ожидать, целые тематические разряды диалектной лексики, отражающие реалии традиционного сельского уклада. Архаизмами в современных самарских говорах являются лексемы *борова́к*, *кресте́ц*, *хрест* ‘разновидности укладки снопов’, *вяза́во* ‘жгут для связывания снопов’, названия ручных орудий труда и их частей (*те́рница* ‘приспособление для измельчения стеблей льна, конопля’, *ба́бка* ‘часть плуга, деталь, на которую насаживались лемех и отвал’, ‘металлическая чушка, на которой отбивают, точат косу’, *валёк* ‘часть сохи, деревянная поперечная палка, удерживающая сошники’, ‘часть конской упряжи’, ‘деревянный брусок для выколачивания белья при стирке’), названия частей русской печи (*борова́к*, *бо́ров* ‘лежащая часть печной трубы, проводник дыма по чердаку’, *душник* ‘дымовое отверстие, отдушина в потолке для печки без дымохода’), реалий традиционной народной культуры (*туши́ть овин* ‘прыгать через костер на заключительном этапе свадьбы’, *красота*, *репе́й* ‘наряженное деревце, символ просватанной невесты’, *кутушо́к* ‘мифологический персонаж, живущий в овине’, *корово́д* ‘вечернее собрание молодежи’), предметов быта (*бузы́нка* ‘глиняный горшок’, *изва́ра* ‘ушат’, *рубель* ‘деревянный рубчатый брусок для стирки и глажения белья’), строительная и ремесленная терминология (*пелена́* ‘снопики соломы, удерживающие соломенную крышу’, *турлу́чить* ‘плести забор, ставить плетеную изгородь’) и др.

Существование в современных говорах различных по широте распространения пластов слов сопровождается неодинаковой лингвистической плотностью отдельных участков диалектной лексики. Собственно диалектная лексика, выделяющаяся многочисленными лексическими параллелями самарских говоров с восточными владимирско-поволжскими говорами, концентрируется в отдельных тематических группах. Так, в самарских говорах высокой концентрацией диалектных слов отличается тематическая группа наименований грибов: *сосе́нка* ‘маслёнок’, *березник*, *березник*, *боровик* ‘подберёзовик’, *пенёчник*, *осе́нник*, *луговичо́к* ‘опёнок’, *волжа́нин*, *волжа́нка* ‘волнушка’, *свино́ройка* ‘свинушка’, *сыро́ега*, *синю́ха*, *красну́шка* ‘сыроежка’. В этой группе диалектная приуроченность лексем всегда подтверждается признаками владимирско-поволжских основ на уровне фонетики и морфологии. Факты сохранения диалектной приуроченности отдельных разрядов слов в условиях активного

междиалектного контактирования тоже можно рассматривать как проявления тенденции к статичности системных связей в говорах.

Потенциальные признаки сосуществования консервативных и динамических процессов мы считаем проявлением жизнестойкости диалектной лексики в условиях глобализации и стандартизации. Вторичные говоры, несмотря на их относительно позднее образование, в языковом плане могут сохранять архаичную лексику материнских говоров, потому что в них происходит «консервация» исходного состояния отдельных элементов диалектных систем. В отдельных сегментах лексических систем наблюдаются проявления консерватизма. В то же время другие участки лексической системы говоров характеризуются лексической плотностью и способностью к саморазвитию. На этих участках возможны инновации, обусловленные не только общим влиянием литературного языка, но и взаимопроникновением разнодиалектных особенностей. Диалектическое единство статичности и динамики языковых процессов просматривается даже в диалектных лексических системах периферийных вторичных говоров, какими являются самарские говоры.

Список литературы

1. Орлов Л. М., Кудряшова Р. И. Русская диалектология : современные процессы в говорах. Волгоград : Перемена, 1998. 143 с.
2. Баранникова Л. И. Эволюционные процессы в лексических системах говоров территории позднего заселения // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка : тезисы докладов и сообщений (Вологда, 24–26 мая 1983 г.) / редкол. : Ю. И. Чайкина (отв. ред.) [и др.]. Вологда : ВГПИ, 1983. С. 82–84.
3. Мурзаева Т. И. Диалектная лексика в современных говорах Саратовской области (на материале говоров с южнорусской основой) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 596–614.
4. Вендина Т. И. «Лексический атлас русских народных говоров» о динамике русской диалектной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2018. С. 96–113.
5. Костючук Л. Я. Народная речь как объект синхронного и диахронного изучения // Русское народное слово в языке и речи : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Арзамасского госпединститута им. А. П. Гайдара (22–24 октября 2009 г.) / редкол. : Л. А. Климкова (отв. ред.) [и др.]. Арзамас ; Саров : СГТ, 2009. С. 203–212.
6. Ганцовская Н. С. Русский литературный язык в его соотношении с внелитературными образованиями : костромской региолект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 1996. № 1 (5). С. 72–77.
7. Лексический атлас самарских говоров : карты и комментарии / под ред. Т. Е. Баженовой. Самара : [Б.и.], 2021. 80 с.
8. Баженова Т. Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара : Изд-во СГСПУ, 2020. 192 с.
9. Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике северно-русских говоров / редкол. : Н. А. Мещерский [и др.]. Вологда : [Б.и.], 1975. С. 3–187.
10. Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья : Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб. : Наука, 2005. 636 с.

Поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 06.05.2022